

The background is a dark teal night sky filled with white stars of various sizes. A large, bright orange and yellow crescent moon with a smiling face (closed eyes and a small open mouth) is the central focus. Several white, fluffy clouds are scattered around the moon. In the bottom left and right corners, there are smaller orange stars with smiling faces, each sitting on a small white cloud. The title text is overlaid on the top half of the image.

Обо мне и всем воображаемом

Мария Пан

18+

Мария Пан

Обо мне и всем воображаемом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70332253

SelfPub; 2024

Аннотация

Сборник небольших историй о жизни. О любви, дружбе, взаимоотношениях родителей и детей. О том, что важно. Или только кажется таковым.

Мария Пан

Обо мне и всем воображаемом

Небольшие рассказы, где реальность сливается с выдуманной. О первой любви, о взаимоотношениях родителей и детей. О том, что важно. Или только кажется таковым.

Володя.

Моя мама боялась, что со мной что-то случится. Я боялась, что со мной ничего не случится. Вечный конфликт родителей и детей. Мама была женщина-крепость. За нее – опыт, авторитет и бабушка. За меня – «ну ведь другие гуляют не только на балконе». В итоге я гуляла только на балконе, но мама постоянно обещала, что однажды жизнь превратится в бразильский карнавал.

– Вырастешь, открою дверь, и пойдешь, куда хочешь, – говорила она.

Я тем временем оттачивала навыки общения с неодушевленными предметами и выдуманными людьми. Как выяснилось, они неплохие собеседники – всегда придерживаются

моей позиции. Мы до сих пор вместе проводим праздники и выходные. Ждем, когда вышлют билеты на бразильский карнавал.

В общем, по части фантазии у меня все в порядке. Но даже мне, сэнсэю, было далеко до нее – девочки уровня «бог».

Ее звали Даша, и она перевелась в наш класс из другой школы. Однажды на перемене новенькая показала своего домашнего клопа. Она его чесала по брюшку, кормила конфетами и ласково журила за плохой аппетит.

Понимаю, уже на этом моменте возникают вопросы. Но я правда не знаю, почему Даша испытывала такие глубокие чувства к клопу. Возможно, так ребенок из 90-х пытался принять суровую реальность.

Однако самое странное другое. Клоп был воображаемый. Даша так и сказала:

– Он невидимый, но вы можете его погладить.

И все протянули ручонки. Кто-то предложил выбрать клопику имя. Я не вспомню какое, да и зачем? Теперь это уже моя история, делаю, что хочу. Пусть будет Володя.

Буквально за несколько дней Володя завоевал всеобщее обожание. Если бы он дожил до пятого класса, то стал бы старостой. Девочки приносили ему сласти из дома, а Даша благодарила и складывала все в портфель.

– Клопы не завтракают и не обедают – только ужинают, – объясняла девочка.

Вскоре о Воле узнала даже директор. Она преподавала физику в старших классах. Но женщина, которая могла поспорить по поводу гравитационного замедления времени, не усомнилась в существовании невидимого клопика. Просто снисходительно улыбнулась.

Для меня же Вова был личным врагом. Невзлюбили мы друг друга с первой минуты, и наедине я бы все высказала Даше по поводу ее фантазий. Но в классе побаивалась володиного авторитета. Пару раз мне удалось что-то такое промямлить, мол, а вдруг его не существует. Я чуть не стала изгоем. Девочки сказали, что клопик обижен. И, кажется, он прошептал слово «гильотинирование». Хорошо, что мы тогда не знали подобных терминов.

Однако ситуация становилась угрожающей, надо было что-то придумывать. И я придумала Яшу. Это был белый пушистый кот воображаемой породы и размеров. В классе он

не произвел яркого впечатления: подумаешь, незримый кот, кого такое удивит? Но Яша и не хотел славы. Он хотел завтракать, обедать и ужинать. С Володей Яша разделался в два счета, а потом скрылся в неизвестном направлении. Вот такой хулиган. Я пыталась его остановить – тщетно.

С тех пор в нашем классе не осталось ничего воображаемого. Яша был настолько голоден, что не пощадил даже володины усы. А вот здесь жаль: мы бы похоронили останки с почестями, и, возможно, из них вырос бы чудесный баобаб.

Караси.

Есть такие особенно знойные дни, когда охота с разбега плюхнуться во что-то прохладное и мокрое, например, в озеро. У нас их больше трех тысяч, моя работа – об этом рассказывать. Сама я и из тех трех тысяч купалась в одном озере, и то в далеком-далеком детстве.

Скверный характер у меня: живу уединенно, меланхолично, в шумных компаниях бываю замечена не чаще двух раз в год. Это все можно исправить. Какой-то волшебный марафон стучит мне в личку. Говорит, что сделает социально активного человека даже из душнила вроде меня. И будет классно, приятели всякие подтянутся не только вирту-

альные. Останется выбирать: чтоб 30+, без детей, оппозиционеры. Чтобы возили меня везде, развлекали, терпели вонь моего айкоса – просто ради счастья быть рядом.

Можно и без марафона. Просто одной на автобус, погнать до какого-нибудь мелкого городишки, оттуда – Турго-як, Еловое, Чебаркуль. Можно Яндекс за 3 тысячу в одну сторону. Можно бросить есть все и отложить несколько зарплат на сольный отдых в местном санатории.

Вариантов немало на самом деле, но вы не знаете, какая я душнила. Ничего мне не подходит, нужен только совершенной особенный случай. И в прошлом году дождалась. Мне объявили, что меня берут на озеро. Со всем недостатками, включая айкос и собаку. По-настоящему: за город, с палатками. И не просто довести и выкинуть: Маша, гуляй. Нет, там со мной должны были еще находиться живые люди. Коллега сказала, что завидует. Мне впервые кто-то позавидовал с тех времен, когда надеть мамины колготки с рисунком считалось достижением.

Как я собиралась! Купила складные стулья, нашла где-то походный столик, чуть не отдалась за него в рабство, но обошлось. А как упаковывала вещи. Эти люди, которые запи- хивают корабрики в бутылки, – просто щенки. Я запихнула

подушку в карман штанов. Потому что сказали: вещей брать минимум, но ничего не забыть. Не забыла даже зубочистки.

Поехали сначала вдвоем: я и... ну в общем, что говорить – уже никто. Потом подхватили его друга детства, – Кольку. Должна была еще какая-то девочка ехать, но передумала. Ладно. Дорога так себе: последний час – по колдобинам, по камышам. Заблудились, нашлись. Машина заглохла, поехала. Ладно. Добрались. Озеро некрасивое – тоже ладно, зато тихое. Все раскладывают снасти, я уже в купальничке – бегу. И тут:

– Маша, ты куда? Здесь же не купаются, ил по колено.

Как это описать? Представьте, вы на бесплатной дегустации в ресторане «Мишлен». Пришли и вдруг вспомнили: у вас же челюсть сломана, и уже два месяца вы питаетесь через трубочку.

Я сделала вид, что просто очень нравится гулять именно на этой травке – за ней сюда и ехала. Потом пошел ужасный ливень, и моих слез стало вообще не видно. Потом дождь стих, мне настала пора резать салаты, мыть посуду, смотреть на драку местных и отмывать собаку от ила (она рискнула).

Утром начался чемпионат по рыбной ловле со спиннин-

гом: как выяснилось, на него мы и ехали. К обеду в моей палатке появились караси. Они дрыгались, заглядывали жалобно в глаза, я отсекала им головы походным ножичком. Не вымещала обиду, просто всем, кроме меня, хотелось уху. Я смотрела на этих карасей и думала: вот вы плавали, сколько хотели, а счастья-то в жизни все равно нет.

К вечеру засобирались обратно. Колька присоединился к какой-то веселой компании и решил с ними заскочить на другое озеро, искупаться. Я и уже никто приняли коллегиальное решение ехать домой. При этом я все время молчала: просто перед глазами все время стояли эти бедные караси, и было ужасно грустно.

Платье-психотерапия

Если вы думали, что тягу к вязанию выдают вместе с первой пенсией, то нет. Я всегда ненавидела образцовую советскую школу, ведь она научила мою маму любить спицы. По семейной легенде, я еще не родилась, а у меня уже появились вязанные колготочки. Даже ноги чешутся от воспоминаний.

Я не то, чтобы очень против такой одежды. Это вполне приемлемое наказание за массовые вивисекции или поджоги жилых кварталов. Но я не мучала даже гусениц. Я не сожгла ни одной тополиный пушинки. И все равно носила вязанные

КОЛГОТКИ.

Зато никогда не боялась заболеть. Фраза «оденься потеплее» звучала не страшнее, чем «давай-ка закапаем нос стаканом чеснока».

В 90-е на российских прядильных фабриках произошли реорганизации, уволили всех людей с садитскими наклонностями. Это моя версия. Но как-то же объясняется, что вместо колючей изуверской пряжи появилась мягкая. Жить стало легче, но боязнь вязаного все равно осталась. А у мамы осталось ее хобби.

Мама вяжет до сих пор и исключительно для меня. Говорит, что на себя вязать сложнее. Однажды мне удалось переориентировать ее на коврики. Это продолжалось пару месяцев. Потом выяснилось, что пол в квартире слишком колючен.

И снова здравствуйте, вязаные платья, кофты, шапки, трусики, топики, сумки и маски для сна. На вязаных джинсах я чуть не сломалась об их диалектическое противоречие. Сделала вид, что ничего такого не существует. Но они слишком демонстративно лежат в закрытом шкафу, слишком часто появляются в мамином разговоре:

– Маша, они не жмут?

Мама убеждена, что я безумно обожаю все вязаное. Но ношу, когда она не видит. Мама не понимает намеков. Я говорю:

– Мама, у меня уже нет места для новых вещей.

Она:

– Ну ладно-ладно.

Также она через неделю:

– Я почти довязала тебе платье с воланами!

Новому платью я привычно сказала: «может, когда-то мы пойдем гулять в темноту». Я положила его на верхнюю полку, я о нем забыла. Оно никак не фигурировало в моей жизни. До настоящего дня.

Утром подруга написала в чате, что сшила платье из халата и занавески. Она любила и ненавидела свое творение од-

новременно. Она готовилась быть городской сумасшедшей, а я уже почти написала комментарий абсолютно здорового человека: с такой лексикой, как «забей», «пофиг», «общественное мнение» и, конечно, «пфффф». И вдруг я поняла, что мое собственное вязаное платье с воланами – это психотерапия. Я даже нашла, от чего оно лечит. Гелотофобия – расстройство невротического спектра по типу социофобии, боязнь перед насмешками со стороны других людей.

Вот оно как: это же платье «посмотри в глаза своему страху». Платье – вместо индивидуальных и групповых сеансов когнитивно-поведенческой терапии. Я сразу вспомнила, как в студенчестве хотела надеть мешок из-под картошки, чтобы стать абсолютно индифферентной к чужому мнению. Где это все, если сейчас я выхожу из маршрутки, ударяюсь головой, и мне не больно. Мне стыдно!

Бабушка.

Меня с детства влекло все холодное, безразличное и чему на меня пофиг. Однажды за коробкой с морскими камушками я протопала по морозу 1,5 часа.

Опять услышу: ты пизд@нутая.

Вы еще не знаете про моих мужиков...

В шесть лет я отчаянно увлеклась геологией. Когда в округе закончились все симпатичные булыжники, я дала шанс

страшненьким, раскрасив их гуашью. Они заменили мне Барби, Кена и, кажется, отцовскую любовь.

Вскоре я подружилась с мальчиком постарше себя. По моей просьбе, для остальных он притворялся сыном московского геолога. Мы вместе возглавили минералогическую экспедицию в нашем дворе. Пять полиэтиленовых пакетов с находками мирового значения были принесены ко мне в хрущёвку, чтобы потом отправиться в воображаемую лабораторию. От сверстников я получила уважение и почет, а от мамы – за «весь этот хлам» и порванные бриджи.

Бабушка проявляла большую благосклонность к моим увлечениям. Она показывала мне красивые камушки по дороге от автобусной остановки до сада: это километра три по буеракам и страсть как много всего интересного. Там я заметила розовый булыжник со светлыми прожилками. Я таких еще не видела, но экземпляр оказался не из легкодоступных.

«Борись за меня! Борись, Маша!» – кричал камень, когда я пыталась выковырять его из земли. Я уже думала, он никогда не будет моим. Но в следующий раз бабушка подготовилась. «Постой-постой, я же здесь где-то колышек поставила», – сказала она, доставая из хозяйственной сумки кирку. На выходе камешек оказался раз в пять больше, чем предполагалось вначале. Но он стал бриллиантом в моей коллекции.

Кто-то скажет: у вас что все в семье пизд@нутые?

Я отвечу: вы просто не знаете ничего про любовь....

Немного об итальянском кинематографе

Я хорошо знаю Наташу: она та ещё затейница. Недавно испробовала экстремально-романтический туризм. Экстремально – потому что прыгали со скал на веревках, которые выдерживают индийского носорога. Романтический – потому она ночевала с мужчиной, которого видела впервые в жизни.

Познакомились в интернете. Они из разных городов. Пришлось месяц переписываться, лобызать фотки, гладить друг друга по экрану курсором мыши.

Потом они одновременно взяли отгулы на своих унылых работах и поехали выдохнуть. Он сразу показал ей абсолютную маскулинность. Даже летя вниз головой, не сорвался на фальцет. Она тоже была смелая, но орала так, что это можно считать оружием массового уничтожения.

Теперь они будут вместе. Он уже отправляет резюме эйчарам в ее город. Она ждет и пока обзванивает свой контакт-лист. Рассказывает про закат на высоте 2 000 км над уровнем моря.

– Наташ, а какого моря? – спрашиваю я.

– Обычного. Опять занудствуешь. Брось, я же про другое.

– Бросить некого, – говорю, – Меня вчера саму бросили.

Наверное, потому что зануда.

Вот и пообщались. Кажется, чем дальше – тем хуже из ме-

ня собеседник. Но ведь правда интересно: столько раз слышать про этот уровень моря и никогда не задуматься, какого. А я ведь когда-то даже на олимпиаду по географии ходила.

Ну давай, Вики, твой выход: «В России абсолютные высоты точек земной поверхности отсчитываются от уровня Балтийского моря».

Понятно: Балтика, Финский залив. Плешивое солнышко, намазанное по горизонту. Визгливые чайки жмутся к берегу. Ты ежишься и потуже затягиваешь шарф, чтобы не бегать за ним по всему пляжу. Глотаешь сырой воздух, сплевываешь собственные волосы.

Нет, не хочу. Хочу проваливаться босыми ногами в теплый песок, слышать приятное похрустывание ракушек. Чтобы затылок был влажным от испарины и маечка прилипала к спине. И море – как ласковое прохладное одеяло после раскаленного дня.

В одном итальянском фильме муж с женой приходят на пляж. Она купается, он пишет огромными буквами на песке: «Я изнасиловал женщину». Она ничего не замечает: значит, сама виновата. Ее слишком интересовал ужин с друзьями, она не смотрела под ноги, не видела главного, не задавала нужных вопросов. Могла бы хоть спросить, зачем притащил на пляж метровую палку.

А у мужа, кстати, имелось еще смягчающее обстоятельство. Он изнасиловал не кого-нибудь, а Пенелопу Крус, и в итоге она его полюбила. Такая итальянская история.

И я не помню, чем там у них закончилось, вообще весь фильм как будто прошел мимо. Только впечаталась в память эта сцена: огромные буквы на песке и два человека, смотрящих в разные стороны.

Мне перезвонила Наташа.

– Слушай, а как у тебя дела? Что нового?

Марина, она же Наташа.

У одной девочки было несколько имен, и, чтобы не запутаться, стану называть ее просто девочкой. Многие ей завидовали. Ее мама работала в кулинарном магазинчике: несла домой все, что неловко предложить чужим людям. Девочка частенько получала заветренное пирожное. И получала за пирожное. Только уже от отца:

– Сколько повторять: пиррроженое, пиррроженое, ну в кого ты такая картавая? Все же нормальные в семье.

Папа закипал, словно борщ в кастрюле, и был таким же красным. Как-то он даже припугнул: будешь картавить – брошу.

Девочке не нравилось слово «брошу». В их доме оно хорошего не сулило. Раз в полгода отец бросал курить, и это было связано с летательными свойствами посуды. Мама говорила, что папа бросает слова на ветер. Он вспоминал, как 9 лет назад бросил спорт ради семьи и и каких-то ценных вещей.

В общем на всякий случай девочка забыла свое имя, пи-

рожное и здороваться. Она больше не хотела быть принцессой в школьной постановке и попросила роль пня. Переубеждать ее не стали. Мама втайне даже обрадовалась: слишком хороша была старая штора для принцессиного платья. Учительница развела руками: что взять с интеллигентного человека, он не вмешивается в чужие дела.

– Вот только у нас закончились костюмы пней, – вздохнула учительница, – Но замечательный друг нашей школы и депутат подарил нам ростовые куклы!

Так в постановке про Алладина появился танцующий белый медведь, а у учителя – повод похвалить себя за педагогическую смекалку. Девочка в медвежьей шкуре чувствовала себя неплохо на всех школьных праздниках. Однако логопеда все-таки посещала.

Точнее это он забирал ее с уроков и уводил туда, где не бывало чудес. Девочка корчилась, вытаскивала язык, открывала рот. В итоге она все так же оставалась Мариной и все так же не желала ей быть.

Поэтому, когда в соседний дом переехал новенький голубоглазый мальчик, девочка подошла и сказала просто:

– Я Наташа.

Мальчик сначала не понял. А потом и сам захотел дружить:

– Наташа, зачем ты гуляешь под дождем? Ты дура что ли? – спросил он, и над девочкой распахнулся синий зонт с бэтменом.

Девочка любила дождь, ненавидела зонты, но под этим ей стало уютно. Она почувствовала, что внутри нее оживает маленькая фиалка. Через неделю там уже был целый фиалковый сад.

У нового соседа папа работал начальником кондитерского цеха. Поэтому вскоре мальчик принес на прогулку коробку пирожного. Девочка сделала вид, что в жизни ничего подобного не видела. На следующий день пирожных было вдвое больше.

Они ели вместе, пачкали руки и рты. Она смеялась и часто-часто называла мальчика по имени, потому что оно было замечательным. Его имя сначала растягивалось на губах в едва заметную улыбку. Затем шелестело по коже, как прохладное одеяло в темной комнате. И в конце расщеплялось на миллионы золотистых пылинок, какие видишь перед глазами за секунду до сна. Это имя нельзя было прокричать, как ни старайся. Его придумали, чтобы убаюкивать, шептать на ушко, ласково говорить. И она говорила. Целую осень, зиму и весну.

В то время они исследовали окрестные дворы на наличие кладов, играли в «Форд Боярд» на стройках, по вечерам бегали к полосе отчуждения. Его по большей части интересовали грузовые составы. Ей нравился закат: казалось, он состоит из мёда и малинового варенья.

К весне ее совсем разочаровала школа. Она бросила театральный кружок и еле высиживала уроки. Математика была

особенно невыносимой. Иногда в класс залетала какая-нибудь пчелка или оса и тут же начинала отчаянно биться в стёкла с воплями:

– Пожалуйста, только не это, выпустите!

Девочка незаметно приоткрывала окно, а однажды сама сбежала. Она слышала, что через дорогу открылся кабинет по покраске ногтей. Прием вела милая девушка – маникюрша со вчерашнего дня и глухонемая с рождения. Людям нравилось: они называли это скидками и везением. И девочке тоже захотелось попробовать: она бежала, перепрыгивая лужи, в курточке весело позвякивали шесть ее несъеденных обедов. Увидев мелочь, маникюрша жестом показала, что надо вдвое больше. Но девочка все правильно рассчитала: как раз хватало, чтобы при папе прятать в карман левую руку, при мальчике – правую.

– Мне только одну! – сказала она и смутилась.

И бог знает каким чудом, глухонемая поняла. Они вместе выбрали ярко-красный лак с блестками. Вот только мальчик его не увидел. В тот вечер он заболел и еще долго испытывал на себе прелести народной медицины. Ему лепили горчишки на грудь, выдавливали чеснок в ноздри и производили другие изощренные экзекуции для улучшения самочувствия. Он молил о пощаде и клялся не снимать шапку до середины июля.

А затем внезапно случилось лето. Девочку отвезли к бабушке в деревню. Когда она вернулась, мальчик уже был ка-

питаном футбольной команды имени себя. Теперь он смотрел на окружающих свысока, а девочку вообще не замечал. Она находила множество увлекательных занятий у его подъезда, невзначай преследовала его в магазин и делала вид, что собирает ягоды на футбольном поле. Ничего не помогало. Как-то раз, когда он тренировался в гордом одиночестве, она снова прошла рядом, размахивая пустым ведром. И мальчик взорвался:

– Ну что ты ходишь за мной? Кто ты там: Марина или Наташа?

– Марина, – ответила девочка.

– Маггггрина, – передразнил он, – а еще вруша и картавая, как все говорят.

Следом раздался звук удара по мячу. Девочка смотрела, как он медленно летит над площадкой, планирует и потом лениво опускает потрепанное брюхо в лужу, выталкивая мелкие грязные брызги. Девочка успела разглядеть все капли вместе и каждую по отдельности. Так она поняла, что ее бросили.

С тех пор девочка с мальчиком перестали разговаривать.

Вскоре она с мамой переехала в другой район: это из-за папиной командировки, которая так никогда и не закончилась. Мама сказала, не надо расстраиваться: новая квартира хоть и значительно меньше, зато лес рядом.

После этого девочка с мальчиком перестали еще и видеться.

Лишь изредка она представляла, как он стоит на футбольном поле и пинает старенький мяч. А он пинал и пинал, пока не прошло 23 года.

Он сам не заметил, как у него появились отчество, морщины на лбу, ипотека. Он был обычный среднестатистический мужчина. Опрятный, в чем-то даже привлекательный. Но лицо поистерлось, и память тоже – настолько, что не сразу узнал Марину. Как и она его.

Да, они встретились через много лет, но это были уже не мальчик и не девочка. Они шли по тусклому школьному коридору, вспоминали прошлое, рассказывали, как сложилась жизнь.

– Так ты, Марина, у моей дочери математику вести будешь?

– Получается, так: я веду с пятого по девятый класс.

– Не зря мы из той школы перевелись. Будешь моей иногда оценки завышать. По старой памяти, да?

Боковым зрением она заметила его подмигивание и неуклюжую улыбку. В ответ слегка приподняла уголки рта. Потом обсудили общих знакомых, цену на учебники и завуча. Из вежливости он предложил попить кофе в ближайшей закусочной. Из вежливости согласилась, но как-нибудь в другой раз, сейчас мало времени. Они уже дошли до ее кабинета, и надо было прощаться. Он заметил поломанную ручку. Починил ударом кулака.

– Но это ненадолго, нужен инструмент.

– Не страшно, хоть временно – ответила она, – трудовик выйдет с больничного, придет с инструментом.

Она уже почти скрылась за дверью своего математического царства, как вдруг он окликнул:

– Марина, подожди, – он говорил немного взволнованно, – Я же все время думаю, что с тобой не так, а сейчас понял: ты же не картавишь!

Пока она стояла в дверях, он рассказал, что у его младшей та же проблема. Сменили трёх логопедов – толку нет. Девчонку начинают дразнить, ей неприятно. Помоги, мол, открой секрет, как избавилась.

Она помолчала немного, подумала. Потом сказала:

– Знаешь, я сама. Просто пришла однажды домой, встала у зеркала и решила, что не уйду, пока не научусь выговаривать эту дурацкую «р». Спасибо тебе!

– За что?

– За то, что дверь починил.

Про одноклассников

Окрики незнакомых людей на улице обычно хорошего не сулят. Из опыта: либо предложат завязать яркие мимолетные отношения, либо попросят купить бутылку водки. А был еще совсем экстравагантный парнишка, который хотел съесть лимон за 500 рублей. Конечно, мимо кассы: все не настолько плохо, остались в мире нормальные бюджетные удовольствия, например, спелые авокадо в Магните.

Но я все равно считаю, что любого, кто к тебе обращается, нужно выслушать. И где-то теплится надежда – может быть, вот сейчас, вот здесь моя жизнь станет чуточку менее бессмысленной, и я помогу хорошему человеку найти короткий путь до мясного магазинчика.

И недавно подходит ко мне этот, вероятно, хороший человек мужского пола. Точнее сказать, подлетает, мчится, аж ветер свистит. А на лице его – такая искренняя и счастливая улыбка. Кажется, только собака может радоваться сильнее моему уставшему потрепанному облику. Я опасливо съеживаюсь, в голове мысли: «что за чудеса, я о себе чего-то не знаю... или не помню?». Незнакомец тем временем тараторит: «Вот так люди! Наконец-то встретились. Да ты чего, не узнала? Я Антон Лебедев, мы же учились в школе вместе». Тут я расслабляюсь... Все-таки я не Билли Миллиган, а в детстве так вообще была вполне целостной личностью. Училась всегда в одной общеобразовательной школе, и одноклассников хорошо помню, Лебедева у нас не было.

Это все я объясняю достаточно торопливо – на проезжей части стоим, однако. И мой незнакомец уходит – какой-то вдруг сразу понурый, ссутулившись, разочарованный. И я иду в свою противоположную сторону и размышляю, что, он, может быть, и не поверил мне. Может, так и будет думать теперь, что я Лена или Катя, его первая безответная любовь, которая просто притворяется какой-то там Машей. И, может быть, ему даже немного обидно. Если так, дорогой Антон

Лебедев, прости, что невольно стала причиной твоей грусти. Мне, конечно, следовало достать паспорт – так, чтобы уж наверняка тебя убедить, но я не смекнула, да и зеленый светофор был уже на исходе.

А, с другой стороны, эта невинная ошибка натолкнула меня на удивительную мысль. Неужели прошло столько лет, что можно вот так запросто обознаться? Неужели наши детские лица уже совсем поистерлись? И теперь в многолюдной толпе мы друг для друга навсегда утрачены? Меня это скорее радует.

Ведь я, настоящая, стопроцентная Маша, написала у себя на странице, что училась в лицее для одаренных детей. Даже год выпуска из университета поставила неправильный. Это не для того, чтобы казаться умнее или моложе. Просто не хочу, чтобы какой-нибудь слишком активный организатор встречи выпускников про меня случайно вспомнил. А, может, боюсь узнать, что про меня никто, даже случайно, не вспомнил. Поди разберись в тонкостях человеческой психики.

Но все же кажется отрадным отсутствие всех этих дурацких вопросов: «ты как?», «ты чего?». Или, например: «Маша, ты где?». Допустим, в отчаянии. В депрессии. А, может, сама не знаю, потому что Билли Миллиган – птенец в сравнении со мной. Нет, ребята, просто у меня для вас совсем ничего интересного.

Я рада, что не сталкиваюсь с призраками прошлого на перекрестках и в супермаркетах. Лучше еще раз увижу Антона Лебедева и перекинусь с ним парой слов. Или дождусь наконец человека, который спросит дорогу до мясного магазинчика.

О счастье

Сегодня зачитывалась советами для депрессивных: в минуты крайнего отчаяния нужно заниматься приятными делами и вспоминать светлые моменты. Приятное занятие, например, – покупать новые штаны, и я не стала медлить – отправилась. Ассортимент был велик, а женщина не должна раздеваться при первой симпатии (мне об этом недавно напомнили). Я тщательно выбирала, какой текстильный шедевр пойдет со мной за шторочку. Задумчиво стоя в 10 воображаемых штанах, чувствую толчок в бок. «Развалилась посреди дороги, откуда берут таких тупых?», – прошипела габаритная дама.

Совет №1 не сработал. Я сжала зубы и попробовала ногтями продырявить собственную ладонь. Ладно, совет №2, твой выход: что бы хорошее вспомнить? Как ни странно, я вспомнила почечную колику 12-летней давности.

Тогда я ее сразу, конечно, не распознала. Я и о почках имела смутное представление: ну да, это где-то во мне присутствует. Наверное, в школе нам говорили точнее, но я не посещала биологию. Не то, чтобы она была мне совсем не интересна, просто её вели по субботам, в день моего самопровозглашенного выходного. В итоге четверку по биологии я получила за артистизм в театральном кружке. Учительница так и сказала: «ты ко мне не ходила, но мне очень понравились твои миниатюры». Она была педагогом от Бога.

Потом еще не скоро представилась возможность узнать об опасных свойствах своего организма. Это сейчас я потихоньку вливаюсь в больничные беседы об остеохондрозе, поднаторела в общении с фармацевтами, начинаю предусмотрительно осваивать сообщества для язвенников. А в юности, как и положено, мне были известны два вида боли: сердечная и зубная. Ну и почечную колику судьба неожиданно подкинула. С коликой впервые проявилась моя тяга к самолечению. Дома я наобум использовала мамины иголки, грелку и бабушкин тонометр. Ну а когда уже прилегла на кушеточку в магазине, мне вызвали скорую.

Фельдшер моментально прибавила к боли чувство стыда. Она допускала различные варианты, и потому стала первым

человеком, который серьезно поговорил со мной о половой жизни. Такие разговоры всегда получаются ужасными. Однажды я стала невольной свидетельницей подобного. Не раскрою подробных обстоятельств, но там тоже фигурировали медик и молодая особа, которую изводило что-то неясное. То ли в животе, то ли в поясице.

– Половой жизнью живете? – спросил медик

– Ну конечно же живу! – ответила особа дерзко и с вызовом.

– Когда в последний раз? – невозмутимо продолжал врач.

— Жила? Ну... жила я год назад, – и вот тут она почему-то покраснела, хотя было бы из-за чего.

В больничке меня сначала засунули на рентген, а потом отдали дежурному урологу. Есть люди, которые не приходят в нашу жизнь, они воплощаются. Вот и уролог воплотился из моих многолетних томительных ожиданий и ночных видений. Когда мы встретились, вокруг него еще не растаяли дрожащие паутинки снов. Самый красивый человек мира по версии меня рассказал мне про камень в почке, который

внезапно захотел подвигаться. О чем я могла подумать? Я вспомнила, что, с точки зрения средневековья, в каждом человеке содержится частица чистого алхимического золота, и ее нужно хоть раз в жизни пошевелить. Этими замечательными соображениями я поделилась с врачом. Он посмотрел на меня так, будто решал, какая помощь требуется наиболее экстренно: психологическая или все же урологическая. Он выбрал последнее, потому что почечная колика – адская боль. Пусть мои игривые лирические отступления не вводят в заблуждение: на самом деле все время от вызова скорой я беспрерывно выла. Не орала – потому что меня с детства закаляли постсоветской стоматологией и тренировали на слово «терпи».

Но путь из ада в рай оказался коротким. Мне поставили капельницу, и на этом можно заканчивать повествование. Нет, здесь не будет внезапной поездки на Мальдивы и легкого петтинга. Для состояния абсолютного счастья хватило просто избавиться от боли. Даже бесы со средневековыми трактатами разом прошли: никаких проблем, никаких переживаний, лежишь на пружинистой койке и безмерно обожаешь каждого комарика на стене. За всю жизнь я наблюдала только два истинных чуда: бесконечность пачки соды и тот удивительный дзен. Дзен повторить не получается. Уж слишком уникальные капельницы были в урологическом от-

делении. Врачи скрывали их состав, как будто там алхимическое золото.

Про Новый Год

Каждый Новый Год для меня – маленькое испытание. Почему-то даже в первых впечатлениях моей сознательной жизни нет радостного, томительного ожидания этого праздника, которое, говорят, присуще всем детям. Не помню шуршащих коробочек, перевязанных яркими ленточками. Не помню бумажных снежинок на окнах. И даже маленькая, я, по-моему, не верила мужикам с бородой на резинке (ну хоть кому-то не верила).

А главное: в нашем доме Новый Год не любил никто. Мама засыпала задолго до боя курантов. Потом у меня появился ноут, наушники, а вместе с ними одна из немногих свобод – свобода посмотреть Вонг Кар-Вая под залпы салютов. В дальнейшем пару раз я еще пыталась отмечать Новый Год, даже ходила в гости. Но там все развивалось не так интересно, как у Вонг Кар-Вая.

Конечно, встречать Новый Год в пустой квартире – никакое не достижение. Даже наоборот: верный признак, что жизнь человеческая не удалась, не сложилась как надо. С та-

кими биографическими фактами мне не открыть, например, курсы успешного успеха для женщин, никто ведь не поверит, получится даже менее правдоподобно, чем у мужика с бородой на резинке. Но бог с ними с курсами, зато с возрастом хоть в чем-то становишься честнее. Это раньше приходилось быть кокетливой балаболкой: «ой, ещё не определилась, где». Сейчас все проще: «во сне, в кровати, может, в слезах, если выдавлю».

Но не выдавливаются. Сон у меня быстрый, добротный, здоровый. Меня не поднимают ни фейерверки, ни парочка глупых открыток, летящих на телефон (благо, с каждым разом этой ереси все меньше). Я проснусь только в первое утро года. Когда со мной, как обычно, не проснется никто. Вот здесь становится уже немного грустно: не от отсутствие захмелевшего тела поблизости, хотя уверена, и оно может быть вполне себе славными. Но все же я о другом – о том, что, кажется, я просыпаюсь в этом городе самая первая. Каждый год. На протяжении всей своей жизни. Просыпаюсь и напряженно вслушиваюсь: нет, не едет лифт, не слышно машин, и шайба не стучит о бортики хоккейного корта, как бывает по воскресеньям. Это не воскресенье. Магазины закрыты, а когда откроются, там нечего будет купить. Бассейн наверняка не работает, да, об этом же писали где-то. Кафе, кинотеатры, салоны красоты, ремонт обуви, почта России. Может, хотя

бы она? Нет. Закрыто всё. И закрыты все. Каждый – в своей коробке, кто с чем остался.

Некуда пойти, но я всё равно иду. В подъезде – глухо и запах перегара людей, которые где-то уже уснули. Вспоминаю, что уборщица тоже спит – стекло от разбитой банки огурцов нужно бы убрать самой. На улице – пристыженный снег жмётся поближе к обочинам: грязный, измятый, истерзанный. И все вокруг какое-то униженное и растерянное, застывшее в немом ожидании: «что теперь?». Теперь – пауза.

Я, кстати, не против передышек, и идея временного отшельничества меня всегда притягивала. Но в январе почему-то все получается бестолковым: тишина, но не безмолвие; ничегонеделание, но не отдых. И я знаю, что по итогу буду снова уставшая и заспанная. Как все.